

Паун знал, что после выхода из трактира ему придётся вернуться в Улей. Он это понимал. Но еда, которую дала ему Лионетта, немного не понравилась его желудку. Наверное, дело было в яйцах. Антинины обычно не страдали пищевыми отравлениями, но это не означало, что им не может стать плохо.

Поэтому Паун решил, что, прежде чем вернуться в Улей и поговорить с Ревелантором Клбкчем, ему стоит немного прогуляться по городу. Поэтому шаги его замедлились, и Паун не спеша направился по не основным улицам: заглядывал в переулки, в которые раньше не заходил, и любовался видами. Он делал это только ради того, чтобы дать желудку справиться с проблемой, но на самом деле осмотреться в городе было очень важно. Паун столько всего мог пропустить, если бы торопился!

Например, разве он когда-нибудь по-настоящему ценил чудеса того, как стоящий на обочине улицы дрейк переворачивает гамбургеры и зазывает потенциальных клиентов? Ажиотаж вокруг новой еды пронёсся по городу и угас... теперь разумные с такой же вероятностью могли пойти в это время суток к другим киоскам с горячей едой. И всё же в том, как желтый дрейк переворачивал шкворчащие котлетки было что-то изящное.

Паун вдохнул аромат вместе с хрустяще свежим зимним воздухом. Да, верхний мир был не таким привычным, как Улей, но в нём была красота, которой он никогда не видел внизу. Почему никто никогда её не ценил? Почему он не ценил? Но Паун осознал, что, когда он был безымянным Рабочим, он ни разу не останавливался, чтобы посмотреть на звёзды.

Антиниум посмотрел вверх. Небо было тёмным... пасмурным.

— Ах.

Через мгновение Паун пошёл дальше. Он шёл боковыми переулками, обходными путями... он не опасался, что его ограбят, и, в самом деле, одинокая затаившаяся фигура, которую он встретил в более неприветливой части города, отступила, увидев приближающегося Пауна. Ни один грабитель не хотел вызывать гнев антиниумов, да и в городе, где жили антинины,

преступность в любом случае была не слишком выгодна. То, как Солдат антиниумов вышибает деревянную дверь, в то время как десять других вырываются из-под земли, имело тенденцию отпугивать воров и грабителей.

Возможно, Пауну всё же стоит поискать преступников. Разве это не полезное занятие? Он мог бы преследовать воров, может быть бить их. Или просто выносить устные предупреждения?

Паун вздохнул. Он знал, чем занимался. Он оттягивал, избегал того, что должен сделать. Это был первый раз в его жизни, когда он делал нечто подобное. Это было не самое приятное чувство: он знал, что должен действовать, но был пойман в нерешительности, сдерживая себя. Нет, это было совсем не комфортно. Но он всё ещё колебался. Он не хотел говорить с Ревелантором Клбкчем.

Потому что он боялся.

А когда он вообще до этого испытывал страх? По сути... никогда. Возможно, только однажды. Паун помнил, как боялся, когда Ксмвр пришел за ним и допрашивал его. Тогда он был в ужасе. И он боялся, когда услышал, что нежить напала на Лискор, и опасался за жизнь Эрин.

Дважды. Но помимо этого? А когда он был простым Рабочим?

Нет. Никогда. Паун не ведал страха. Он вообще ничего не ведал. Он был просто инструментом. Но теперь он чувствовал, и то, что он ощущал, было страхом.

Ему не нравился Клбкч. Паун знал, что бывший Прогнугатор пользовался симпатией даже у обычно враждебно настроенных жителей города. У него были друзья среди Стражи, и он был знакомым лицом, хотя все антиниумы выглядели одинаково. Паун видел Прогнугатора...

каждый член Уля в какой-то момент его видел. Прогнугатор был стар, намного старше всех, кроме Королевы; он командовал ими в бою и наблюдал за их работой. Он также убивал Аберраций. Он был известен, но Паун знал о нём только одно: Клбкч, похоже, не любил никого из Рабочих и Солдат.

Королева любила. Они были её творениями, её детьми, в конце концов. Паун стоял перед ней однажды, и хотя она допрашивала его и её слова разрушили его дух, он знал, что она по-своему заботится о нём. Она без колебаний использовала бы его в интересах Уля, но он был частью её Уля, и поэтому она заботилась о нём если не как об отдельном разумном, то как о части себя. Это обнадеживало, и он ожидал от неё именно этого. Но Клбкч?

Нет. У него были друзья. Рэлк, сердитый дрейк. И Паун знал, что ему нравилась Эрин. Но Эрин полюбила всех. Пауну нравилась Эрин, но он не смог заставить себя создать положительное отношение ни к Ксмвру, ни к Клбкчу. И он был совершенно уверен, что Ревелантор испытывал к нему тоже самое.

Они никогда не говорили друг другу ничего касательно этой темы. А Клбкч никогда ничего не делал Пауну. Он не отрывал Пауну антенны и не отрезал пальцы и часть руки, когда допрашивал его. Но Паун всё равно его недолюбливал.

И он боялся того, что скажет Клбкч. Ксмвр был безжалостен, но он был новичком в своём деле и был неопытным. Это придавало Пауну смелости, чтобы позже противостоять ему. Но Клбкч был древним. Если бы у антинумов были легенды, он был бы одной из них. Но у них не было историй, не было тех, которых можно было бы назвать и о которых можно было бы говорить. Была только Королева и Клбкч, Прогнугатор.

Так было всегда.

Паун остановился на заснеженной улице перед входом в Улей. Он уставился вниз — на тёмный проход в земле. Темнота его не пугала, как и подземелье. Но отверстие всё равно выглядело зловеще. Паун сделал глубокий вдох, затем ещё один. И ещё один.

Он не хотел этого делать. Но он должен. Если бы только Эрин была в трактире... но там была только Лионетта. Эрин помогла бы ему. Она бы сказала что-нибудь ободряющее, что заставило бы Пауна не бояться.

Например? Паун подумал об этом.

— Ах. «Ты сможешь, Паун! Если Клбкч будет тебя доставать, вдарь ему по орехам! У антинумов они вообще есть»?

Проходящая по улице [Стражница] дрейк окинула Пауна взглядом глубокого подозрения. Он сбросил фальцет и вежливо ей кивнул. Через мгновение она поспешила дальше.

— Я не уверен, что Клбкч ест орехи. Мне кажется, они могут содержать глютен. Я всё же поинтересуюсь.

— Так и сделай. Удачи, Паун!

— Спасибо.

Это заставило Пауна почувствовать себя немного лучше, хотя он всё ещё не понимал к чему было упоминание орехов. Он ещё раз вздохнул, а затем вошел в Улей. Он может это сделать. Он взял себе имя в честь пешки. Если он дойдёт до конца шахматной доски, то сможет стать Королевой! Или слоном. Или конём. Королева была оптимальной фигурой для игры, но в некоторых ситуациях лучше было выбрать коня.

С уровня улиц Лискора спуск в Улей антиниумов выглядел до смешного простым. Здесь не было заметных охранников, а грунтовый пол шел под плавным уклоном, что облегчало вход. Но это была лишь иллюзия.

После около десяти шагов в темноту вниз Паун оглянулся налево и направо. Молчаливые Солдаты, стоявшие в своих нишах в стене, наблюдали за ним, не шелохнувшись. С другой стороны, будь он кем-то помимо антиниума, они бы немедленно его схватили, и его выживание зависело бы от того, как сильно бы он при этом сопротивлялся. Антиниумы пошли на многие уступки, чтобы жить в Лискоре, но они не терпели вторжения на свою территорию.

Как всегда, Солдаты выглядели одинаково, стоя наготове, даже для Пауна. Он мог выделить некоторых других Рабочих по царапинам на хитине или по их работе, но Солдаты были для Пауна единой чужеродной массой. Рабочие не разговаривали с Солдатами, а Солдаты никак не взаимодействовали с Рабочими, если только в строительстве не требовалось их сотрудничество. Или если они случайно затапывали Рабочего.

Но сегодня Паун чувствовал себя безрассудно. Он остановился и посмотрел на одного из Солдат: антиниум был на полторы головы выше Пауна и гораздо шире. Паун посмотрел на его похожие на шипы пальцы, предназначенные для того, чтобы протыкать кожу врага и позволять Солдату избивать противника до покорности. Но ведь он тоже антиниум, не так ли?

— Ах, добрый вечер.

Солдат уставился на Пауна. Тот неловко попятился назад. Что он делает?

Обменивается любезностями. Только и всего. Что там нужно говорить дальше?

— На улице довольно холодно, не так ли? Надеюсь, вы все в тепле? — Солдаты не ответили. Они не могли... они не были способны говорить. Но они и не сделали никакого движения. Они просто пялились на него. Но теперь на него смотрели они все.

Спустя секунду Паун продолжил идти. Однако он чувствовал на себе взгляды солдат, когда уходил. И его разум был в смятении. Паун влился в поток других Рабочих и групп Солдат и спустился в Улей, размышляя. Зачем он это сделал? Это было глупо. Он ожидал ответа? Нет, конечно же, нет. Тогда зачем он это сделал?

Возможно, потому что так поступила бы Эрин. Она когда-то так уже сделала. Она спросила у Рабочего его имя и обращалась с ним так, словно он был не просто одним из многих.

Паун вздохнул, и Рабочие вокруг него на секунду напряглись, пока он шел сквозь двигающуюся массу в туннелях. Это было глупо. Он не был Эрин. А Солдаты не могут быть Личностями. Он испытывал их с Клбчем. Они дольше реагировали на вопросы. И они не реагировали как Рабочие на вопросы о том, кто они и как их зовут. Но когда они выдавали реакцию...

Рабочий вздрогнул, вспомнив, как Клбкч кружился, рубил так, что повсюду летали конечности и зелёная кровь. Нет. Солдаты не могут быть Личностями. Для них это не работало. Это едва работало для Рабочих без Эрин.

Пока Паун шёл сквозь бесконечный поток Уля, Рабочие вокруг него начали медленно отделяться, уходя в другие коридоры. В конце концов Паун добрался до места назначения — небольшой комнаты в конце грунтового коридора — в одиночестве. Он заглянул в помещение и увидел сидящего антинуума — существо с двумя руками и тонким каркасом вместо привычных четырёх рук и более громоздкого тела.

Клбкч.

Паун ещё не был готов к разговору. Он не был готов... но уже было слишком поздно. В Улье не было дверей, кроме тех, где было крайне важно поддерживать герметичную среду. Клбкч поднял взгляд, заметив стоящего в коридоре Пауна.

— Входи.

Ноги Пауна тут же повиновались приказу. Рабочий механически вошел в комнату и встал перед Клбкчем. Ревелантор и Прогнугатор Улья Лискора без всякого выражения смотрел на Пауна из-за маленького деревянного стола, за которым сидел. Два меча, принадлежавшие ему по должности, висели у него на боку: антинуум не снимал их даже в Улье. Паун обнаружил, что его взгляд притягивали клинки — те самые, что отрубили ему конечности.

— Паун. Есть ли что-то, на что ты должен обратить моё внимание?

— Эм.

Паун уставился на Клбкча, чувствуя, как бешено колотилось его сердце. Его разум был пуст. Он не знал, что сказать. Но теперь Клбкч смотрел на него, и он должен сказать хоть что-то. Что сказала бы Эрин?

— Да. Нет? Мне нужно многое сказать. О классах. Моих, то есть.

— В самом деле?

Клбкч сдвинулся на своём месте. Он... холодно посмотрел на Пауна. Да, это был холодный взгляд. Антиниумы были пусть и невыразительны, но Паун мог сказать, что Прогнугатор был недоволен.

— Ты получил другой класс? Или повысил уровень с момента нашего последнего разговора?

Королева велела Пауну сообщать Клбкчу о любых изменениях в его уровнях или классах. Ревелантор был ответственен за наблюдение за новыми Личностями. Паун колебался. Он должен сказать правду. Но ему очень этого не хотелось. Может быть, он сможет к этому привести?

— Да, у меня есть новости. Но я также пришел спросить об этом. О новостях, то есть.

— Новостях? Что ты имеешь в виду?

— Эрин.

Паун не понимал, что он говорит. Почему он спрашивает у Ревелантора информацию? Но он хотел знать.

— Она здорова? Я был сегодня в её трактире, но девушка, живущая там, сказала мне, что Эрин потерялась. Пропала. В человеческом городе?

Клбкч неохотно кивнул.

— Так и есть. Она в порядке, и с ней Риока Гриффин. Она пока не может вернуться из-за присутствия гоблинов в этом регионе, но она в безопасности.

— Понятно. Я... понимаю. Это хорошо.

— Это приемлемо. Теперь сообщи мне о новом классе или уровне, который ты получил.

Клбкч пристально смотрел на Пауна. Рабочий чувствовал себя так, словно по нему струился пот, хотя антинины не потели. А может быть, ему просто хотелось выделять жидкость.

— Я... получил новый класс. Некоторое время назад, на самом деле.

— На самом деле? Почему ты сразу не сообщил мне об этом?

Тон Клбкча стал ещё холоднее, если это вообще было возможно. Паун опустил голову.

— Я не был уверен в природе этого класса. Я получил его после разговора с Эрин Солстис, и я не смог определить природу ни Класса, ни Навыка, который я получил.

Ревелантор слегка покачал головой.

— Эрин. Конечно. Какой класс ты получил после разговора с ней?

— [Аколит].

Ревелантор выдержал паузу. Паун видел, как он заметно задумался. Затем другой антинуиум покачал головой.

— Я не знаком с этим классом, как и со значением этого слова.

— Как и я. Я надеялся, что вы сможете пролить свет на значение класса.

— Понимаю.

Клбкч не поднялся со своего места, но слегка сдвинулся.

— Ты сказал, что получил этот класс после общения с Эрин? Каков был контекст вашего разговора?

— Это было... — Паун замешкался. Это было сразу после его допроса Королевой. Он был в смятении, спрашивал о мёртвых Рабочих. О его друзьях. Эрин утешила его, дала ему надежду. Но он не хотел говорить об этом Клбкчу. Вместо этого Паун выбрал самый простой ответ:

— Мы говорили о религии. И я полагаю, что мой класс относится к Богам. — Антиниум, сидевший перед Пауном мгновенно застыл. Всё его тело стало неподвижным, и Паун почувствовал, как в Клбкче забурлили эмоции. Но Ревелантор ничего не предпринял. Вместо этого он спустя минуту снова посмотрел на Пауна, словно ничего не произошло.

— Богам?

— Да.

— Интригующе. Ты имеешь в виду мёртвых богов прошлых веков?

— Нет, нового Бога. Живого.

И вот опять. Клбкч застыл, но только на более короткий срок. Паун внимательно за ним наблюдал.

— Ревелантор Клбкч, вы знаете что-нибудь о Богах? Я говорил о них с Эрин Солстис, и она рассказала мне о существе, известном как Бог. В прошлом люди молились им. И они обладали силами, похожими на магию. Но...

Его голос прервался. Клбкч смотрел на Пауна, но казалось, что он смотрел прямо сквозь него. Внезапно тело Ревелантора напряглось, а выражение...

— Ревелантор Клбкч?

Другой антинуум медленно покачал головой.

— Я ничего не знаю о Боге. Но ты сказал, что класс [Аколита] ты получил после разговора с Эрин?

— Да. Потому что я... поверил в Бога. Или так мне кажется.

Клбкч пялился на Пауна. Рабочий неловко поёрзал.

— Вы не знаете, что это значит? Я получил навык, [Молитву], за достижение первого уровня в этом классе.

— Понятно.

Ревелантор кивнул один раз, второй. Он выдержал паузу, а затем посмотрел на Пауна и медленно покачал головой.

— Этот класс для меня загадка. Я знаю о богах, но только о тех, которые мертвы. Похоже, что твой класс — загадка.

— Похоже на то.

— Да. Но я отмечу его появление. Ты сказал, что у тебя первый уровень в классе [Аколита]?

— Всё верно.

— Очень хорошо. Можешь возвращаться в свои покои.

Паун ещё несколько секунд разочарованно смотрел на Клбкча. Он чувствовал... словно его подвели. Он ожидал, что Ревелантор что-то скажет или откроет ему что-то о классе, чего Паун не знал. По крайней мере, он ожидал, что Клбкч этого не одобрит, но это?

Было похоже, что Клбкч что-то скрывал. Но что бы это ни было, Паун не ожидал, что Клбкч ему доверится. Рабочий неохотно повернулся, чтобы уйти.

Здесь ответов нет. Что же ему делать дальше? Паун остановился на пороге, размышляя. В конце концов, только Эрин могла ему помочь. Знал ли Клбкч, когда она вернётся?

— Ревелантор Клбкч? Могу я узнать, известно ли вам что-нибудь о том, когда Эрин вернётся...

Паун повернулся и увидел Клбкча, застывшего на месте с поднятым мечом, готовым его разрубить. Два антиниума уставились друг на друга. Если бы они были людьми, Клбкч возможно бы притворился, что это шутка. Может быть, он бы рассмеялся и попытался это как-то обыграть. Но антиниумы были другим. Клбкч не стал притворяться: он поднял меч выше и спокойно произнёс:

— Если ты верен Улью, не двигайся. Ты умрёшь быстро.

— Что вы делаете?

Паун отступил от Клбкча. Ревелантор надвигался на него... с осторожностью. Оба его серебристых меча были нацелены на Пауна, и Рабочий знал, что Клбкч может разрубить его на куски за секунду. Но почему?

— Ревелантор Клбкч, я чем-то вас оскорбил? Если так, то я...

— Молчи.

В голосе Ревелантора звучала тихая угроза. Обычно такой приказ заставил бы Пауна замолчать, но он знал, что ему в любом случае грозит смерть. Паун поднял руки в панике отступая от Клбкча.

— Я не сделал ничего плохого. Я не Аберрация! Я...

Клбкч покачал головой.

— Ты знаешь о Боге. Ты должен умереть.

Он сказал это как прописную истину. Но Паун всё ещё не понимал. Он снова отступил назад и почувствовал, как его спина ударилась о грунтовую стену.

— Я не понимаю. Ревелантор Клбкч, если я совершил ошибку, пожалуйста, позвольте мне её исправить.

— Исправить ошибку может только твоя смерть. Никто не должен знать о Боге.

Клбкч шёл вперед, держа в руках два смертоносных клинка. На секунду Паун подумал о том, чтобы бежать, но он знал, что если сделает это, то умрёт в следующее же мгновение. Единственная причина, по которой он ещё не умер, была...

Была?..

Клбкч колебался. Он смотрел на Пауна, словно не зная, куда резать. Может быть, потому что он не был уверен? Если это так... рот Пауна заработал в отчаянии:

— Вы не должны меня убивать. Знание о Боге не опасно для Улья.

— Опасно.

— О Боге рассказала мне Эрин. Вы убьёте и её?

Другой антинуиум заколебался, поднимая меч. Паун уставился на смертоносное острие, готовое в любой момент опуститься.

— Эрин — другое дело. Но ты — ты расходный материал.

Это была правда. Паун это знал. Но всё же. Он посмотрел вверх на лезвие, а затем вниз на землю. Он не мог закрыть глаза, как бы сильно ему этого ни хотелось. Его голос был тихим, но пульс бился со скоростью молнии.

— Пожалуйста. Я не хочу умирать.

Он видел только ноги Клбкча. Паун держал голову склонённой, дрожа. Ожидая. Будет ли больно? Почувствует ли он это, или его следующие мысли будут, когда он окажется в...

Раю.

Время, казалось, замедлилось для Пауна, когда у него возникла эта мысль. Он представил себе

это место без боли и страха. Место, где ему будут рады; место, где можно быть. Но потом он подумал о Боге и задумался.

Он хотел этого. Но не хотел. И когда он задумался об этом, Паун вспомнил Эрин и задался вопросом, что она сделает, когда узнает, что он мёртв. И в этот момент он не думал о Рае. Он по-прежнему хотел жить. За секунду до смерти Паун прошептал это слово. Своё желание.

Молитву:

— Пожалуйста.

Он ничего не почувствовал. Паун продолжал склонять голову, а потом ощутил это. Движение. Медленное... и затем шум. Он услышал шуршание металла о металл и осмелился поднять взгляд. Клубок убирал мечи в ножны.

Ревелантор антинуиумов смотрел на Пауна. Он выглядел неуверенным. Старым. Усталым. Но его голос был подобен холодной стали, когда он заговорил:

— Вот что произойдёт. Ты никому не будешь упоминать о Боге, своём классе или Навыках. И ты не будешь поклоняться ему или взаимодействовать с ним каким-либо образом. Это ясно?

Паун едва мог говорить. Он смотрел на Ревелантора, но вместо повиновения его первым побуждением был вопрос. Он должен был знать.

— Почему? Почему о Боге нельзя говорить?

Клбкч покачал головой.

— Эта информация секретна. Тебе не нужно её знать.

— Но что я сделал? Почему знание о Боге так важно? Все знают о мёртвых богах...

Паун увидел лишь размытое пятно, а затем почувствовал, как его вбили в стену. Клбкч держал его одной рукой, а другой держал меч в ножнах в дюйме от глаза Пауна. Во взгляде другого антиниума не было милосердия, только холодный, острый гнев.

— Я повторюсь ещё раз: тебе не нужно знать, почему. Ты — Рабочий; ты будешь подчиняться.

Паун попытался издать звук, но получилось только бульканье. Клбкч держал его на месте, пока в глазах Пауна не начало темнеть, а затем отпустил. Паун втянул воздух, когда Ревелантор отступил назад и снова повесил меч на пояс.

— Тебе запрещено обсуждать Бога, свой класс или любые подобные темы с любыми Рабочими или отдельными Личностями. Это ясно?

— Предельно.

Это слово прозвучало горько, когда оно покинуло рот Пауна. Горько, словно еда, если в пищу Рабочего попадало больше полусгнивших ингредиентов, чем обычно. Клбкч пристально посмотрел на Пауна, а затем отрывисто кивнул.

— Хорошо. Уходи. Я призову тебя позже, чтобы разобраться с этим.

Не говоря больше ни слова, Ревелантор повернулся и зашагал по туннелям. Паун смотрел ему вслед. Он не знал, что произошло и что думать. Но он был жив. Он был...

Жив.

Двадцать минут спустя Паун наконец-то вернул достаточно самообладания, чтобы отойти от покоев Клбкча на случай, если антинуиум вернётся. Он медленно шёл через Улей, не обращая внимания на то, что его шаг замедлял бесчисленных Рабочих и Солдат позади него. Ему нужно было подумать.

Что произошло? Что он сказал такого, что так рассердило Клбкча? Почему упоминание Бога было таким неправильным?

Что плохого в Боге?

Паун шёл, пиная землю. Он не знал, куда ему идти. Он был расстроен, растерян и...

Почему Клбкч повёл себя так, как повёл? Почему он чуть не убил Пауна? Из-за чего? Из-за Бога?

Нет... из-за знания, что Бог существует, и не те боги, что мертвы. Но даже это не имело смысла. Бог — это хорошо. Эрин объяснила это. Бог помогал. Бог создал Рай, а это значит...

Паун повернулся и пошёл за первым попавшимся Рабочим. Ему было всё равно, куда идти. Что Клбкч собирался сказать Королеве? Призовёт ли она его? Или просто убьёт его? За то, что он знает о Богах?

За что? Это было несправедливо. Несправедливо. Клбкч не спрашивал о Боге, ничего не знал... а если и знал, то не объяснил.

Почему он должен ненавидеть богов? Или Бога? Зачем ненавидеть Бога? Это не имело смысла.

Это был Бог. Бог был Богом. Бог, Рай, прощение и грех. Как кто-то мог просто отвернуться от этого? Или просто игнорировать?

Паун остановился у входа в большое помещение. Он уловил безошибочный аромат еды Улья. Ох. Разумеется. Это было время приёма пищи для какой-то смены Рабочих. Ему не очень хотелось есть, но, возможно, мерзкая пища его успокоит. Он должен чем-то заняться, будь то прогулка или еда...

Паун на автомате вошёл в большое помещение. Он встал в очередь, а затем приостановился. Рабочий перед ним был довольно большим. И помещение было немного больше, чем обычно. Он поднял взгляд и уставился на широкую спину перед собой. Затем он поднял взгляд выше... и выше... пока не увидел голову Солдата...

Паун замер. Он обвёл взглядом помещение. Очередь перед ним не двигалась, и никто в помещении тоже. Солдаты, сотни Солдат, сидели или стояли, и все они были повёрнуты к Пауну.

Пялились на него.

Зал был полон Солдат. Солдат и дюжины Рабочих, которые подавали им еду в огромных глубоких контейнерах, в три раза больших, чем те, что давали Рабочим. Но даже они приостановились, насыпая кашу в солдатские миски.

Все пялились на Пауна. Ему стало жарко, затем холодно, и страшно, и...

Он зашёл не туда. Он свернул не туда, потому что его здесь быть не должно. О, нет. Совсем нет.

Паун вошёл в столовую Солдат. Не Рабочих.

Паун огляделся в полной тишине: все по-прежнему пялились на него. Все Солдаты в очереди смотрели на него, но он не мог прочесть их выражений. Паун почувствовал холодный узел страха в своём нутре.

Он не должен здесь быть. Паун повернулся, чтобы уйти, но затем заколебался.

Почему он должен уходить? Да, ему здесь не место, но его никто не выгонял. И он был Личностью, разве нет? Разве он не может здесь остаться? Что случится, если он это сделает? Клубок выследит его и убьёт?

Паун медленно, осторожно вернулся в очередь. Он уставился на Солдата, стоявшего перед ним, почти бросая ему вызов, чтобы тот что-то сделал. Солдат посмотрел в ответ, а затем медленно повернулся вперёд. Солдат перед ним сделал то же самое.

В один момент помещение медленно пришло в движение. Рабочие продолжили подавать еду, Солдаты подавались вперёд, и Паун оказался в очереди, держа в руках огромный и тяжелый контейнер. Он даже не был голоден, но сейчас он был полон решимости и оказался перед Рабочим, держащим огромный половник, которым он высыпал в его миску большое количество оранжево-коричневого вещества. Это было похоже на еду, которую получали Рабочие, но её было гораздо больше.

— Ах. Спасибо...

Рабочий уставился на Пауна. Паун уставился в ответ. Затем он переместился вперёд, и его место занял Солдат.

Что дальше? Теперь Пауну предстояло съесть эту ужасную еду, всю. Он обвёл взглядом помещение и заметил ещё кое-что, чем этот зал выделялся. Все Солдаты не ели стоя, как Рабочие. Нет, вместо этого они сидели!

Каждый солдат сидел на кургане из грязи, установив свои ёмкости с едой в маленьких

углублениях земляного стола перед ними. Паун поражённо на это уставился. У них были скамейки и столы! Да, это были просто грубые насыпи из грязи, спрессованные до твёрдости камня, но всё же!

Паун быстро понял, почему у солдат были столы: это была необходимость. Их контейнеры с едой были слишком глубоки, чтобы есть из них без устойчивой поверхности, а неуклюжие руки Солдат не могли так легко держать ёмкости.

И действительно, теперь, когда Паун присмотрелся, солдаты ели совсем не так, как Рабочие. Вместо того чтобы эффективно зачерпывать еду в рот, они засовывали головы в контейнеры или неловко поднимали кашу. У них просто не было такой ловкости рук, и это означало, что на полу было гораздо больше беспорядка.

Паун сел за стол с двумя другими Солдатами и огляделся по сторонам. В этом зале были сотни Солдат, и все они лихорадочно ели. Он был так увлечён разглядыванием, что совсем забыл о собственной порции, пока его внимание не привлёк очередной Солдат, который вышел из очереди, получив свою порцию.

Возможно, Солдат устал или отвлёкся... Пауну всё время казалось, что Солдаты на него смотрят, но когда он оглядывался по сторонам, то видел только, что они поглощены едой. Но этот Солдат не заметил упавшую еду, пролившуюся когда-то на пол. Его нога наступила на скользкий участок, и он поскользнулся.

Паун увидел, как Солдат попытался восстановить равновесие, но было уже слишком поздно. Солдат не полностью упал лицом вниз, но наклонился достаточно, чтобы вся его еда вылилась из миски и расплескалась перед ним. Солдат мгновенно выпрямился и бросился вперёд, но ущерб уже был нанесён.

Рабочий видел, как Солдат отчаянно пытался затолкать пролитую жижу обратно в контейнер, но в него попало столько же грязи, сколько и еды. Получившееся пюре было... ещё более отвратительным, чем раньше, но Солдат поправил контейнер и подошел к столу. Он начал

есть, как будто ничего страшного не произошло. Но это было не так.

Солдат не мог быть доволен грязной едой. Паун это знал. Они с Рабочими могли отличаться по размеру, но в основе их была одна и та же форма. Он знал, насколько отвратительной была еда, даже без лишних добавок.

И всё же Солдат не сделал ни малейшего усилия, чтобы вернуться в очередь. Паун и не ожидал этого: это было бы... не против правил, но это было бы необычно. Ни один из не Личностей не сделал бы ничего подобного, поэтому Солдат просто молча ел свою грязную еду.

Это было неправильно. Паун встал. Сначала он не понимал, что делает, но, когда он подошёл к несчастному Солдату, держа в руках свою миску, он понял. Солдат поднял взгляд и замер, когда Паун подошел к его столу.

Паун неловко прочистил горло. Он не знал... он чувствовал, что все в помещении снова на него смотрят. Но он знал, что хотел сказать, и сказал:

— Вот. Мне порция не нужна.

Солдат уставился на Пауна, когда тот пододвинул к нему миску с едой. Он смотрел то на миску, то на Рабочего.

— Возьми.

Солдат медленно отпихнул свою миску в сторону. Он потянулся вверх, но его пальцы были слишком неуклюжими. Паун осторожно поставил миску перед ним. Солдат уставился на еду, потом на Пауна.

Затем он начал есть. Осторожно, не спеша. Словно каждый кусочек этой новой каши был в десять раз лучше, чем то грязное месиво в его миске. Что, честно говоря, так и было. Она была лишь немного вкуснее, но Солдат ел, и Паун почувствовала себя...

Лучше. Немного.

После этого Паун просто сидел за столом, пока Солдаты ели. Он старался сосредоточиться на них, а не думать. Это было почти умиротворяюще, ему не нужно было ничего делать. А Паун так устал от...

Последний Солдат закончил есть из своей миски и остановился. Мгновенно все Солдаты синхронно встали. Паун дёрнулся от удивления, но Солдаты просто пошли к входу в зал. Проходя мимо, они ставили свои готовые к повторному использованию миски на длинную полку из грязи.

Ох. Разумеется. Они закончили приём пищи и уходили. Паун встал и последовал за ними, заметив, что в зал входила новая группа Солдат. Он ушел с первой группой, а поскольку он не чувствовал себя комфортно, следуя за Солдатами, то начал возвращаться к своему спальному месту.

Пора было спать. Паун нашел своё место, огляделся и увидел, что бесчисленное множество других Рабочих уже спали в своих грязных кабинках. Устроившись поудобнее, он уставился на свои руки.

Этот день был запутанным. Сначала он боялся, а потом, когда он поговорил с Клбкчем, его чуть не убили. Паун до сих пор не знал, почему, но боялся узнать. Боялся... и всё же хотел узнать. Клбкч знал что-то о Боге, и Паун хотел, нет, он должен был это знать. Он узнает.

А Солдаты? Паун вспомнил о Солдатах. Он не знал, что об этом думать. Это была лишь малая часть длинного дня. И все же он немного улыбнулся, прежде чем заснуть.

На следующий день Паун проснулся от того, что почувствовал, как Клбкч позвал его к себе. Это был не голос в его сознании... скорее чувство, сильное, как уверенность. Оно заставило Пауна подняться раньше других Рабочих и пройти по туннелям к покоям Клбкча пропустив приём пищи.

— Я здесь, Ревелантор.

— Входи и садись.

Клбкч поставил в помещении второй стул. Он сидел на своём, держа клинки в ножнах и наблюдая за сидящим Пауном. Ревелантор не тратил времени на приветствия и светские беседы — антинуиум просто наклонился вперёд и заговорил:

— Я посоветовался с Королевой по этому вопросу. Ты не будешь убит... незамедлительно. Но если в твоей физической форме произойдут какие-либо изменения или ты совершишь действия, которые могут навредить Улью, ты будешь немедленно устранён. Это ясно?

— Да.

Паун уставился на Клбкча, сбитый с толку, но полный решимости выслушать и разобраться в происходящем. Клбкч ещё несколько мгновений держал его взгляд, а затем кивнул.

— Теперь объясни мне этого Бога.

— Что?

— Объясни его. Всё. Всё, что Эрин сказала об этом Боге, слово в слово. Я хочу знать его историю, силы, мотивы — всё.

Так Паун обнаружил себя, пытающимся рассказать Клбкчу ту же историю, которую рассказала ему Эрин. Он пытался начать с тех же чудес, с которых начала она, с Бога, который создал мир и создал людей по своему образу и подобию, наблюдая за ними, но Клбкч постоянно его перебивал:

— Там нет упоминаний о нескольких Богах?

— Нет. Как я уже говорил, после того как он создал мир, он отдыхал...

— И это именно он? У этого Бога есть пол?

Паун раздраженно щёлкнул своими мандибулами. Он не завтракал, и был голоден. Клбкч продолжал перебивать его, не давая добраться до важных частей. Кого волнует пол?

— ...Так его описала Эрин, хотя она сказала, что у Бога может не быть пола.

— Тогда почему ты сказал «он»?

— Из-за слова «Бог». [1]

— Хм. А у него есть физическое присутствие?

— В некотором смысле. Он... работает через избранных людей.

— Я знаком с классом [Жреца]. Как-нибудь ещё?

— Ах... он послал своего сына на землю. И его сын божественен, как и он сам.

— Его сын?

Клбкч уставился на Пауна так пристально, что Рабочему стало не по себе. Почему Клбкча так заботили эти детали?

— Да. У Бога был сын. Его звали Иисус из Наза...

— Объясни мне, как у Бога может быть сын. Разве это не делает его тоже Богом?

— Он... частично Бог, или я так считаю. Но в этом смысле есть только один Бог, так сказала Эрин.

Она упоминала и других Богов, но Паун посчитал, что пока об этом говорить не стоит. Клбкч постучал пальцем по подбородку.

— Мне кажется, я что-то упустил. Я уточню. Есть только один Бог, верно?

— Верно.

— Но у него есть сын.

— Да.

— Которого он физически воплотил на земле.

— Он родился от человека. Он был человеком.

— Но он также частично является Богом?

— ...Я так думаю.

— Это не имеет смысла.

Не имеет. Вернее, имеет, и Паун понимал это по-своему, но он знал, что не сможет объяснить это Клбкчу. Он попытался увести разговор от этой темы и перейти к главному:

— В любом случае, он мёртв. Сейчас он в Раю, с Богом. Так мне сказала Эрин.

— Понятно. Значит, в любом случае, есть только один Бог.

— Да, но в Раю...

И снова Клбкч перебил Пауна:

— Итак, ты абсолютно уверен, что этот Бог не присутствует в мире в данный момент?

Паун не мог нахмуриться, но в нём начало расти недовольство, и он позволил этому недовольству отразиться в своём голосе:

— Я уверен.

— Очень хорошо. Итак, где воплотился этот сын Божий? Ты знаешь географическое место?

— Да. Да, знаю. Он родился в Иерусалиме, маленьком городке в государстве Рим. Это было в то время, когда...

— Рим? Иерусалим? Где находятся эти места? На каком континенте?

— Это места и названия из родины Эрин.

Казалось, что Клбкч слушал что-то совершенно другое, чем Паун. Как только Паун сказал это, он расслабился и, казалось, почувствовал почти облегчение.

— Понимаю. Понимаю.

Паун уставился на него, не понимая.

— Как я уже говорил, человеческая женщина Мария была беременна, и она должна была родить...

— В данный момент мне не нужно слышать остальную часть истории.

Это было похоже словно ему неоднократно давали пощёчины. Паун открыл свои мандибулы, а затем закрыл их. Он был раздражен, поэтому прервал Клбкча, прежде чем Ревелантор смог заговорить:

— Почему всё это важно, Ревелантор Клбкч? Почему Боги — это проблема, требующая столь пристального внимания?

Клбкч выдержал паузу.

— Это не твоя забота. Это секретная информация.

— Я хотел бы её знать.

— Тебе её не сообщат. Достаточно. Мой следующий вопрос...

— Я должен узнать. Если я этого не сделаю, я могу случайно совершить ошибку.

Паун выдержал взгляд Клбкча, когда другой антинуиум поднял голову и уставился на него. Спустя секунду Ревелантор, казалось, пришел к решению.

— Все, что тебе нужно знать, это то, что существование Бога связано с существованием антинуиумов на континенте Рхир. Хотя с тех пор антинуиумы изменились, моя изначальная задача как Сентиниума напрямую связана с Богами в частности. Это превосходит всё другие мои поручения; отсюда и мои вопросы. Вот и всё.

Паун чувствовал, словно у него должна отвиснуть челюсть, как это время от времени происходило с Эрин.

— Сентениум? Я не знаком с этой ролью. Что...

— Достаточно.

Клбкч остановил Пауна взмахом руки. Он размышлял, слегка щёлкая своими мандибулами, пока Паун нетерпеливо ёрзал на своём месте. Наконец, Клбкч кивнул.

— Я убедился, что этот Бог не похож на... он не представляет непосредственной угрозы.

— В каком смысле?

— Я не уверен. Но поскольку о его существовании знают только Эрин и, возможно, Риока Гриффин, я воздержусь от вынесения решения, пока не смогу поговорить с ними. Ты не будешь казнён.

Паун с надеждой поднял взгляд.

— Тогда...

— Однако я запрещаю молиться этому... Богу. Мой приказ остаётся в силе: ты также не должен рассказывать другим Рабочим об этом Боге.

— Но почему?

Не что чтобы что он молился этому Богу до этого. Но когда ему без причины сказали этого не делать... Паун почувствовал, как в нём снова начало расти раздражение.

— Могу я узнать ваши доводы, Ревелантор Клбкч?

Клбкч постучал по рукояти своего меча один раз, затем второй.

— Есть несколько вопросов, которые остаются для меня без ответа. Если этот Бог — создание, сотворившее людей, то откуда взялись антিনিумы? Являемся ли мы творениями этого существа, или... нет?

— Бог создал всё сущее.

— В мире Эрин. Но не в этом.

Паун открыл свои мандибулы... и закрыл их. Он не мог подобрать на это ответа. Клбкч кивнул.

— Это наш Бог? Примет ли он антিনিумов?

— Я не знаю. Но я мог бы узнать.

Если Бог, которого можно спросить, существует. Если он получил этот класс не случайно. Если Бог ответит. Паун не сказал ничего из этого вслух, но Клбкч покачал головой.

— Нет.

— Но...

— Я продолжу опрос завтра. У меня есть обязанности, но я продолжу задавать вопросы об отношениях между этим Богом и антииниумами. До тех пор ты свободен.

Паун хотел что-то сказать. Он хотел накричать на Клбкча или встряхнуть его. Но Ревелантор встал, и Пауну оставалось только подчиниться.

Был ли это Бог для антииниумов? Какая разница? Это было не самое важное!

Паун сердился, топая по грунтовым коридорам. Кого волновало, имеет ли Бог физическую форму? Пауна волновало спасение, мысль о том, что... что есть прощение! Что есть Рай, и даже больше... есть кто-то, кому не всё равно.

Не важно, что это был Бог для людей.

Так ведь?

Паун столкнулся с двумя Рабочими. Он извинился, а затем задержал очередь позади себя на несколько секунд, пока раздумывал, куда пойти. Время приёма пищи его смены Рабочих уже прошло, и еда там была не всегда. Он мог бы подняться на поверхность, но Паун был в слишком плохом настроении, чтобы делать это прямо сейчас. Он хотел еды, покоя и тишины...

Не успел Паун опомниться, как оказался в солдатской столовой. Он не знал почему, но как

только Солдаты вошли в зал, он встал в очередь и взял миску.

— Дайте мне только треть порции, пожалуйста.

Рабочий уставился на Пауна, но он сделал всё, как было велено. Паун отнёс свой контейнер к столу с двумя Солдатами, совершенно не обращая внимания на молчаливые взгляды, которыми его встречали. Он был слишком зол, чтобы беспокоиться.

— Это не важно. В этой истории есть нечто большее, — пробормотал себе Паун, пока ел.

Два Солдата пялились на него, но Пауну было всё равно. Он ел сегодняшний паёк и чувствовал себя даже хуже, чем раньше. Плохая еда, несправедливый Ревелантор...

Это действительно было неправильно. Он был всего лишь Рабочим, но Паун знал, что когда-то он был счастливее. Когда он приходил в трактир Эрин, ему не угрожали, и он мог свободно говорить. Его кормили хорошей едой, и она рассказала ему истину.

Он огляделся. За столами вокруг него сидели и спокойно ели Солдаты. Они тоже были в ловушке, не так ли? Вынуждены есть эту отвратительную пищу, не имея ничего, на что можно было бы ориентироваться.

Это было несправедливо. Пауну очень хотелось рассказать Бёрду или Гарри о том, что он испытал. Раньше он боялся это сделать. Но теперь, когда Клбкч приказал ему не делать этого, Паун жаждал войти в столовую для Рабочих и громко прокричать эту историю.

Бог. Рай. Это было обещание, которое дала ему Эрин. То, за что можно было ухватиться. Это дало бы другим Рабочим надежду. Это придало бы смысл смертям остальных. Когда Паун сказал бы это, всё стало бы лучше.

Но нет, он оказался в ловушке, как и Солдаты. В ловушке приказов и молчания. Паун с досадой толкнул свою миску вперёд на стол. Солдаты подняли взгляды, а вернули их к еде. Солдаты. Это было то, что их разделяло, Рабочих и Солдат. Рабочие хотя бы могли говорить. Но Солдаты были на это неспособны.

И Паун теперь тоже стал Солдатом, по крайней мере, частично. Он не мог говорить о Богах с другими Рабочими. В этом то и проблема. Никаких других Рабочих.

Рабочих. Паун приподнялся на своём месте, внезапно ошеломлённый одной мыслью. Клубок приказал ему не разговаривать ни с отдельными Личностями, ни с другими Рабочими. Но с Солдатами?

— Прошу прощения.

Солдат, сидевший перед Пауном, поднял взгляд. Паун неловко прочистил горло. Он чувствовал себя странно, разговаривая с массивным чудовищем. Но он мог с ним говорить.

— Я заметил, что вы едите. Вы не будете возражать, если я расскажу вам историю? О Боге?

Взгляд, который получил Паун был не просто пустым, он был совершенно обескураженным. Два Солдата за столом пялились на Пауна, но ничего не предпринимали. Но Паун уже начал, и как Рабочий, он доведёт дело до конца:

— Это правдивая история. О Боге, который... позвольте мне объяснить.

Он не знал, с чего начать. Он знал только, что должен поделиться этим посланием. И Паун подумал, что Солдаты смогут его понять. По крайней мере, никто из них не попытался убить его, когда он начал говорить:

— Есть существо, известное как Бог. И он создал всё. И правит всем. И он заботится о нас, понимаете? Потому что когда-то давно не было ничего. Ничего, кроме Бога. И он хотел что-то создать, поэтому он заговорил. И тогда появился свет...

Это было не совсем то, как Эрин рассказывала ему эту историю. Но Паун решил, что ему следует начать с самого начала. Антиниумы были видом, построенным на логике; кроме того, он чувствовал, что должен плавно прийти до Богов и девственных родов. Он в любом случае до сих пор не знал, что такое девственница, но это звучало важно.

Солдаты за столом слушали, как Паун объяснял, как был создан мир, согласно путаному объяснению религии Эрин. Это было спутанно и бессмысленно, особенно потому, что никто из антиниумов, включая Пауна, понятия не имел, что такое ангелы. Он просто описал Эдемский сад как охраняемый гигантской белой огненной птицей и оставил всё как есть.

Но это было не самое важное. После того как он рассказал о сотворении мира и идее греха, Паун объяснил, что, по его мнению, было самым важным:

— Даже если люди — и другие виды — грешны, это не имеет значения. Мы грешны из-за того, что произошло давно, но этот Бог заботится о нас. Обо всех нас. Когда мы рождаемся, или рано умираем, или убиваем, независимо от того, что мы делаем, есть кто-то, кто заботится. О каждом из нас. Он знает нас. Он знает, кто мы такие, и Ему не всё равно.

Вот что было важно. Как он мог объяснить это лучше? Пауна не волновало, как зародился мир, или сколько змей умеют говорить. Важно было другое.

— Кому-то не всё равно. Кто-то знает нас, знает каждое наше движение во время бодрствования и сна. Кому-то там не всё равно, и он знает наше имя. Даже если мы его не знаем.

Солдаты за столом пялились на Пауна. В тишине. Они не издавали ни звука, но и не отводили взгляды. На самом деле, они молча смотрели на него всё время, пока он говорил, и даже перестали есть. Кусочки кашицы падали с их рук, когда они опирались ими о края мисок.

Паун огляделся и подпрыгнул от удивления. Каким-то образом все Солдаты придвинулись ближе. Некоторые сгруппировались на стульях, а другие просто стояли. И все они слушали. Его.

Антиниум неловко прочистил горло. Он и не подозревал, что его слушали все. Но это также его порадовало. И это сделало следующую часть более важной.

— Да, после событий, о которых я говорил, люди процветали. Но важно отметить, что грех всё ещё существовал. Все они были грешны и, следовательно, виноваты. Но потом Бог решил послать своего сына на рождение от человека, так что...

Солдат перед Пауном пошевелился. Это было внезапное движение. В одну секунду он сидел, в другую — встал на ноги. Паун отшатнулся, но внезапно на ногах оказались все Солдаты. Они смотрели в сторону входа в столовую.

Что произошло? Они были расстроены? Но... нет, Паун понял, что их, должно быть, позвали, или время их приёма пищи истекло.

— О. У вас есть обязанности. Не буду вас задерживать.

Солдаты не кивнули, но у Пауна возникло ощущение, что они его услышали. Они начали пробираться к выходу, но двигались гораздо медленнее, чем обычно. Они заметно колебались.

Хотели ли они услышать остальное? Паун торопливо задумался. Он окликнул Солдат, пока они неохотно выходили:

— Я вернусь позже. Это приемлемо?

Ответа он не услышал, но Паун увидел, как Солдаты вдруг снова двинулись строевым шагом, бодро шагая к месту назначения. Он смотрел, как они покидали помещение, и улыбался.

На следующий день Паун вернулся и рассказал им ещё несколько историй. Он рассказал им о юноше, умершем на кресте; о пророке, разделившем моря; о народе, за которым наблюдает нечто любящее и доброе. Солдаты впитывали каждое слово, но ничего не говорили. Но они слушали. И Паун верил, что они верили.

— Я не понимаю цели этой сказки, — высказал Клбкч Пауну, пока они вдвоём сидели в покоях

Ревелантора.

Паун в ответ зыркнул, но Ревелантор не дал ему и шанса ответить:

— Что такое грех? Убийство? Нарушение десяти правил? Почему все существа грешны сразу после рождения? Какой грех совершили мы?

— Эрин не сказала. Но это и не важно. Важно то, что Бог послал своего сына...

— На смерть.

— В жертву.

— Это была магия крови? Я не могу понять, почему одна смерть освобождает целый род от греха.

— Он должен был нести наши страдания. Вынести наши проступки...

— И всё же мы продолжаем совершать проступки.

— Но теперь мы прощены. Любые наши ошибки — наши собственные...

— И если мы не будем подчиняться правилам этого Бога, мы будем наказаны после смерти. Так ты сказал.

— Или мы можем послушаться и попасть в Рай.

— Который никто никогда не видел.

— Мы должны верить, что он существует.

— Но ты не можешь доказать, что он существует.

Паун зло посмотрел на Клбкча. Уже второй день он часами спорил с Ревелантором на одни и те же темы.

— Это то, во что я хочу верить. С уважением, но это никак не вредит Улью.

— Это имеет значение, если этот Бог намерен наложить такие ограничения на наш род. Если антииниумы не смогут не убивать, то мы все будем наказаны этим Богом.

— Это не работает таким образом...

— Независимо от этого, я не позволю тебе поклоняться этому Богу.

— Почему?

Паун встал, опрокинув стул. Клбкч холодно произнёс, глядя на Рабочего:

— Если этот Бог создал людей по своему подобию, то он явно является Богом для них. Но антинуумы никогда не отдыхали в этом «Райском саду». Нас не было в том мире, где ожил его сын, и поэтому мы не были спасены. Мы не его. Этот Бог... не Бог для антинуумов. Я не дам ему никакой силы, и ты тоже.

— Силы? Это просто молитва!

— Этого достаточно. Я не позволю молиться или поклоняться Богу, который не принадлежит антинуумам.

— Это нечестно! — закричал Паун на Клбкча, удивив даже самого себя.

Но Ревелантор просто встал.

— Это необходимо, и это мой приказ. Ни с кем не говори, и забудь о Богах.

— Как я могу?

В голосе Пауна была горечь. Клбкч изучал его, а затем обнажил один из своих мечей. Он протянул серебристый клинок Пауну, чтобы тот осмотрел его. Антиниум взглянул на сверкающий металл и подумал, скольких его собратьев этот клинок разрубил на куски.

— Верь в это. Не в то, что нельзя ни увидеть, ни услышать.

Рабочий покачал головой и отпихнул меч в сторону.

— Это всего лишь предмет. Мне нужно нечто другое.

— И что же?

Тон Клбкча разозлил Пауна. Он был безразличен. Ему не было дела до Пауна; он просто видел ещё один объект, который можно использовать. Нет, даже не так. Он не понимал Пауна. Клбкч был особенным. Он был Прогнугатором, Ревелантором, Сентениумом, что бы это ни значило. Он был вторым после Королевы. Он...

Был особенным. Но Паун таким не был. Он никогда не сможет понять.

— Чего я хочу? Спасения. Можешь ли ты или Королева его предложить?

Паун повернулся и вышел из помещения, прежде чем Клбкч успел ответить.

В ту ночь Паун всё продолжал и продолжал ворочаться в своей маленькой коморке, пока не понял, что будит других Рабочих. Ему было жарко, жарко от гнева и разочарования. Клбкч никогда не поймёт. Но он знал, кто может понять.

Покинув свою коморку, Паун проскользнул по туннелям, присоединился к ночной толпе Рабочих и двинулся по проходам, пока не добрался до одного, который стал ему хорошо знаком. Он вошел в большую столовую и огляделся.

Они были там — все до одного. Паун начал узнавать этих Солдат, как-то идентифицировать их. Может быть, по тому, как знакомо они смотрели на него, или по тому, как они толпились вокруг, отказываясь от еды или забирая с собой миски, чтобы послушать.

— Я рассказал вам все истории о Боге, которые знаю, — громким голосом обратился Паун к сотням Солдат.

Он почувствовал, как они слегка переминались с ноги на ногу, пока он объяснял:

— Мне больше нечего вам рассказать. То, что знаю я, знаете вы.

Им это не понравилось. Некоторые Солдаты слегка пошевелились, что свидетельствовало об их волнении. Но Паун только улыбнулся. Он рассказал им всё, да, но не рассказал самого важного.

— Но кое-что осталось. Одно обещание, которое Бог дал своему народу, всем людям.

Солдаты тут же застыли на месте — знак того, что им не терпелось услышать. Паун задержал дыхание, а затем произнёс:

— Рай.

Это слово пронеслось по большому залу, неся с собой не только один лишь звук. Сердце Пауна забило так же, как тогда, когда он впервые услышал это слово и его значение.

— Рай. Это место, которое создал Бог. Место, куда мы попадаем, когда умираем.

Место, где можно быть счастливым. Быть свободным. Паун пытался объяснить это слушающим Солдатам. Он знал, что они поймут.

— Видите ли, когда мы — антинуны — умираем, мы попадаем в Улей. Но этот Рай... если мы верим и хорошо себя ведём, мы попадём туда. И в том месте нет страданий. Нет боли. Там мы можем быть счастливы.

Счастье. Это было слово, которое Паун едва понимал. Но он говорил о нём с уверенностью. Это было то, что он едва понимал, но он мельком это увидел, и это пленило его душу.

— В Раю вам не придётся есть эту пищу. Вы будете есть хорошую пищу, и вам не придётся сражаться. Там вы будете в безопасности, и никто не будет вам приказывать. Это то, что обещал Бог. Вот почему это важно.

Это было обещание, о котором он мечтал. Место, где он мог бы найти своих товарищей Рабочих, тех, кто погиб. Смысл в их смерти. Место...

Место для отдыха. Солдаты пялились на Пауна. Он смотрел на них и увидел что-то новое в их глазах. То, чего он никогда не видел раньше.

Страсть.

— Это верно. Когда мы умрём, мы попадем туда. Если мы верим. Если мы будем хорошими, если не будем грешить...

Он сделал паузу, когда эти слова слетели с его языка. Грех. Да, Эрин говорила ему об этом. Грех — это нарушение законов, которые изрёк Бог. И одним из них было не убивать. Солдаты были созданы, чтобы убивать. Как они могут быть не грешны?

И всё же, и всё же, он не мог сказать Солдатам об этом. Они заслуживали места там, и Паун хотел верить, что они его получают.

Но смогут ли они? Он не знал. Паун колебался и не понимал, что говорит. Вскоре он встал и обратился к Солдатам:

— Я... должен идти. Я знаю, что у вас есть обязанности. Но я надеюсь, что вы поверите. И, может быть, мы все попадём в Рай.

С этими словами он оставил их и удалился в свою комнату. Там Паун сидел и мучился.

Дело было не в том, что он не верил в Рай или Бога. Он хотел верить всем своим сердцем, и он верил. Но в этом-то и заключалась проблема. Если он верит в Бога, то должен верить и в Ад. Эрин говорила, что он тоже существует.

Как Паун мог согласиться с тем, что тот, кто убил, попадёт в Ад? Попадёт ли Белград в Ад, потому что он убил? Или веры будет достаточно, чтобы попасть в Рай? А как же Бёрд? Он убивал больше, чем Белград, и всё же он делал это, чтобы спасти Эрин. Нежить не считается? А что считается?

А как же Солдаты? Солдаты... они должны попасть в Рай. Паун это знал. Они не были плохими. Они выполняли приказы до мелочей. Как их можно было наказывать?

Это были незнакомые и неудобные вопросы. Они расстраивали Пауна. Словно Клубок шептал ему на ухо, заставляя сомневаться в том, что так легко было принять. Раньше Паун верил в Бога, был уверен в его существовании, но боялся спросить. Теперь он всё ещё боялся спрашивать, а ещё он боялся...

Боялся, что Бог может ошибаться. Паун хотел бы, чтобы здесь была Эрин, чтобы он мог спросить её. Но сам он не знал. Не знал.

И он боялся правды. Или того, что для него ответа не будет. Паун засыпал, пока ему снились подобные вопросы, заставляя его беспокойно ворочаться. Всё, чего он хотел, — это попасть в Рай. Он мог отбросить всё остальное, но он должен был знать, что это правда. Не было ни одного антиниума, который заслуживал бы попасть в Ад. Ни Бёрд, ни Ананд, ни даже Ксмвр.

Ни даже Клбкч.

Пауну снился сон. Возможно. Антиниум только знал, что он спал, а потом кто-то встряхнул его, вытаскивая из коморки. Паун открыл глаза и попытался пошевелиться, но его держала железная хватка, и кто-то кричал ему в ушные отверстия:

— Что ты наделал?

Клбкч вытащил Пауна из его стального места и с силой встряхнул Рабочего. Паун резко вздохнул и пытался составить слова, приходя в себя:

— Что? Рев?..

— Что ты сделал?

Клбкч швырнул Пауна в стену и прижал его к ней. Паун поперхнулся воздухом, чувствуя, как что-то треснуло, но Клбкч уже тащил его по коридору. Паун с трудом пытался встать на ноги, пока Клбкч кричал на него. Он видел, что Рабочие пялились на него, когда он проходил мимо их коморок.

— Что происходит?

— За мной! Шевелись!

Ревелантор потянул Пауна за собой. Нескончаемый поток Рабочих и Солдат остановился, прижимаясь к стенам, чтобы дать место для бега двум антиниумам.

Паун понятия не имел, что происходит. Но он чувствовал, куда они шли, и его сердце замерло, когда он понял, что они направлялись прямо к солдатской столовой. Клбкч остановился у входа, обнажил мечи и втолкнув Пауна внутрь.

— Что происходит? Что...

Рабочий, спотыкаясь, вошел в помещение, и его голос оборвался. Он осмотрелся внутри и увидел ад. Это должен был быть Ад, потому что то, что он увидел, было никак иначе не описать.

Огромное помещение было заполнено Солдатами. Живыми Солдатами... и мёртвыми. Мёртвые лежали на полу, избитые, забитые до смерти, с огромными дырами в панцире, огромными, размером с кулак, ранами, сделанными руками Солдат. Оглядевшись вокруг, Паун увидел тёмные фигуры, борющиеся друг с другом, бьющиеся, рвущие, разбивающие...

Солдаты убивали друг друга.

Не было никакого порядка, не было чёткого понимания, где начиналось или заканчивалось насилие. Каждый ещё живой Солдат — а на полу лежало бесчисленное множество тел — ходил вокруг, бил других Солдат своими мисками, используя все четыре руки, чтобы валить друг друга на пол. Они относились ко всем и ко всему как к врагам, но не делали никаких попыток блокировать удары. Они просто позволяли другим Солдатам отрывать куски их панциря и зелёному ихору — вытекать из их тел.

— Что это?

Паун выкрикнул эти слова Клбкчу, когда Ревелантор вошел в помещение. Клбкч поднял оба клинка в защитной стойке, оглядывая кровавую баню.

— Ты мне скажи. Вчера эти Солдаты были в полном порядке, но десять минут назад они начали резать друг друга. Рабочие сказали мне, что за тридцать минут до того, как они начали это безумие они заметили тебя входящим в это помещение.

— Меня? Я... да, но я никогда не говорил им делать такого!

Он бы никогда этого не сделал. Клбкч просто пялился на него.

— Тогда почему это происходит?

У Пауна не было ответа. Он уставился на Солдат. Один взял миску и разбил её о голову другого. Паун побежал вперёд.

— Стой! Что ты делаешь?

Солдат не обращал внимания на Пауна. Рабочий попытался оттащить его назад, но Солдат просто отбросил его прочь. Паун пошатнулся и огляделся вокруг.

— Они убивают друг друга? Почему? Зачем это делать?

— Что ты сказал? Они стали Аберрациями?

Меч Клбкча был нацелен прямо на голову Пауна. Рабочий вскинул руки.

— Я ничего не говорил!

— Ты что-то сказал. Что ты им говорил?

— Просто истории!

— Истории? О чём?

— О Боге.

Звук, который издал Клбкч, был чем-то средним между визгом и криком. Он ударил Пауна рукояткой своего меча с такой силой, что Паун почувствовал, как хитин его щёки треснул.

— Ты идиот. Я приказал тебе не...

— Я не хотел им вредить! Я просто хотел дать им надежду! — закричал Паун, отступая от разъяренного Клбкча.

Ревелантор оглядел хаос.

— Ты называешь это надеждой?

— Нет! Я никогда не хотел этого. Прошлой ночью я просто рассказывал им о Рае. Просто о Рае...

У Пауна перехватило дыхание. Он оглядел умирающих Солдат и понял, что произошло. Его сердце похолодело в груди.

— Нет. Рай.

Клбкч мрачно огляделся вокруг.

— Объясни.

— Я сказал им, что, когда они умрут, они смогут попасть в Рай. Туда, где нет боли. В место...

— Ты сказал им это?

Паун не мог смотреть на Клбкча. Он пялился на павшего Солдата, тело которого представляло собой массу дыр. Нет. Он не хотел этого. Но это всё из-за него, не так ли? Он рассказал Солдатам, что после смерти им больше не придётся сражаться, страдать. И они поверили ему. Поверили настолько, что выбрали самый быстрый способ попасть в Рай — самоубийство.

— Здесь четыре сотни Солдат. Если они все умрут...

Паун не слушал угрозы Клбкча. Он побежал вперёд, крича. Солдаты сражались друг с другом не издавая ни звука, но шум ломающихся частей тел и предметов был достаточно громким.

— Остановитесь! Остановите это! Это не выход!

Никто из Солдат не смотрел на него. Паун отчаянно кричал и пытался растащить в стороны трио Солдат, избивающих четвёртого. Они не обращали на него внимания, только отпихивали его назад. Он использовал всю свою силу, но они были многократно сильнее.

— Солдаты!

Голос Клбкча был рёвом. Он шел вперёд, размахивая мечами.

— Немедленно прекратите! Повинуйтесь моему приказу и остановитесь!

Несколько Солдат посмотрели на Клбкча. От него исходил властный вид, но даже его мечи-близнецы не могли запугать Солдат. Они были бесстрашны. И даже когда он говорил, один Солдат бросился на него.

Клбкч тут же пробил Солдата насквозь, но именно этого антинуиум и добивался. Солдат навалился на клинки, позволяя им пронзить его грудь. Клбкч выругался, выдергивая оружие, но тут на него бросился другой Солдат, бесцельно размахивая руками. Он пытался заставить Клбкча убить и его!

Паун с ужасом наблюдал, как Клбкч отрубил Солдату руку, а затем обезглавил его. Ревелантор отступил назад, ругаясь, когда на него бросились новые Солдаты, позволяя ему рубить их.

— Стойте! Стойте! Вы должны остановиться! Это не способ попасть в Рай!

Если они не попадут в рай, то попадут в ад. Так говорила Эрин. Но Солдаты не слушали. Они пытались найти облегчение, избавление от страданий. Паун это понимал. Но это...

Это был грех. Один из самых страшных. Они все попадут в Ад. Они будут страдать, а не жить вечно. Так сказал Бог. Таковы были правила.

Он не мог их остановить. Паун упал на колени. Он посмотрел вверх, туда, куда указывала Эрин, когда говорила о Рае.

— Бог. Ты есть?

Как это было? Руки Пауна сжались вместе, и он склонил голову. Клубок увидел это и зарычал на него:

— Прекрати это!

Он рванулся к нему, но теперь на него бросились все Солдаты. Паун проигнорировал Клубка. Он склонил голову. Он не мог закрыть глаза, но ведь так говорила делать Эрин, верно? И теперь он должен молиться? Как?

Эрин говорила, что это похоже на разговор. Паун попытался:

— Бог? Это ты?

Ответа не последовало. Паун попытался снова. Он пытался активировать свой Навык.

— [Молитва]. Я бы хотел помолиться Богу. Пожалуйста. Я хотел бы поговорить с тобой.

И снова Паун ничего не услышал. Но, может быть, Бог не говорит? Он может давать ощущения. Паун продолжил, стараясь повысить голос над звуками умирающих солдат и собственного сердца:

— Боже, я надеюсь, ты меня слушаешь. Я прошу тебя... смилуйся над Солдатами. Не дай им попасть в Ад. Пожалуйста. Я знаю, что это грех, но...

— Паун!

Клбкч кричал на него. Паун пытался сосредоточиться. Он пытался поверить, но не мог. По грязному полу текла зелёная жидкость, по нему были разбросаны осколки керамики и солдат. Это был кошмар. Его кошмар.

— Грех. Я знаю, что убивать себя — грех. Но Солдаты просто хотят... они хотят прощения.

Ложь. Она прилипла к языку Пауна. Они хотели не этого.

— Они хотят быть спасёнными. Они хотят быть свободными.

И разве они этого не заслужили? Солдаты страдали. Паун это знал. Он видел некоторых, которые всё ещё ходили по Улью, хотя их панцирь был так сильно повреждён, что едва держался на них. Он видел, как они сражались, даже когда их головы были частично уничтожены.

— Они отдают всё ради Улья. Они заслуживают этого. Даже если они...

Грешны? Солдаты? Паун не могла себе этого представить. Они убивали, да, но они подчинялись приказам. Они никогда не делали ничего... плохого. Он поднял голову и озвучил вопрос в своём сердце:

— Боже, пожалуйста, ответь мне. Какой грех совершили Солдаты? Что они сделали?

Ничего. Они просто жили. Они были рождены для Улья. Как такое может быть грехом? Как Солдат может заслуживать наказания?

Есть. Сражаться. Страдать. Умирать. Такой была их жизнь. Они не умели говорить; они даже не могли ничего построить, как Рабочие. Они просто вечно делали одно и то же и страдали, сражаясь, до самой смерти. А когда они умирали, их место занимал следующий Солдат, продолжая сражаться, пока не умирал. И так далее. Вечность.

— Пожалуйста. Я прошу тебя. Окажи им милосердие.

Паун произнёс эти слова, но не почувствовал никакого ответа. Ничего. Словно его никто не слушал. Но ведь так всё и работает, верно? Ты веришь. А если ты веришь...

Тогда что? Что, если Бога нет? Что, если Солдаты умерли ни за что?

Паун боролся. Он должен верить. Он не может прислушиваться к этим мыслям. Но теперь Паун колебался. Его вера рушилась. Он верил. Но всё, что у него было, это неработающий Навык, и Бог...

Он был Богом для людей. В этом-то и была проблема. Возможно, они были грешны, но Паун не мог назвать Солдат грешными. Они были рождены без выбора; послушаться — значит умереть. Как можно осуждать что-то, кого-то, кто не знал ничего другого?

Как можно назвать это грехом?

И тогда, когда Паун подумал об этом, он задался вопросом, как он может верить в Бога, если он не может верить в это. И как только эта мысль поразила его, Паун задался вопросом, что бы он делал, если бы этого Бога не существовало. Стал бы он подчиняться другому Богу? Поклонялся бы кому-то другому? Эрин говорила, что их несколько. Как насчет Бога, который метал молнии, или того, кто на самом деле является бесчисленным множеством Богов и Богинь? Как он мог выбрать?

В любом случае, все они были человеческими Богами. Антиниумам не нужен был Бог людей. Им нужен был другой.

Был ли Бог для антинуиумов? Паун поднял голову и увидел только грязь. Он прислушался, но услышал только стук своего сердца. И смерть. Он слышал, как Солдаты били друг друга. Это

эхом отдавалось в его сознании. В его сердце. В его душе.

Он пытался молиться, но никто не откликнулся. А Солдаты умирали. Последние из них падали, истекая кровью. Падали. И если они умрут, а Паун ошибся, что тогда? Они просто умрут, сгниют, и ничего не изменится.

Они не должны умирать в одиночестве. Паун молился, но ничего не слышал. Он молился за Солдат и чувствовал, что никто не откликнулся. Тогда он встал и закричал:

— Остановитесь! ОСТАНОВИТЕСЬ!

Его голосу не помогал Навык, но Паун кричал это слово снова и снова со всей силы, пока не наступила тишина. Он увидел, что Солдаты остановились и повернулись к нему. Клубок застыл с одним клинком в теле Солдата, уставившись на него.

Паун поднял руки. Он дрожал. Но он всё равно заговорил, обращаясь к Рабочим:

— Я был неправ. Я ошибался. Для нас нет Бога. Нет места. Позаботиться об антиниумах некому.

Солдаты застыли. Они уставились на Пауна, не желая верить. Он почувствовал их замешательство, их страдания. Бога нет?

— Я молился, но ничего не услышал. Может быть, Бог есть. Но если так, то я не слышу его.

Или её. Я не могу верить в то, что не могу ни увидеть, ни услышать, ни потрогать.

Его слова были похожи на дождь. Кусачий кислотный дождь, раздирающий его самого. Паун страдал, и ему хотелось плакать. Солдаты просто смотрели, с покрытыми кровью телами.

— Но. Я верю в Рай. Я верил. Я верил, что для нас есть спасение. Кто-то, кто будет помнить об антиниумах. Но, может быть, Рай только для людей.

Может, он есть только у них. Паун повернулся к Солдатам, обводя взглядом помещение.

— Нет никакого Рая. Не для антиниумов. Но он должен у нас быть. Должен. Поэтому мы его для себя создадим.

Вот. Он сказал это. Паун почувствовал, что в комнате воцарилась тишина. Он сделал один дрожащий вдох.

— Я не могу верить в Бога, который мне не отвечает. Я не могу верить в Бога, которого я не вижу. Но я могу верить в Рай. Я могу верить, что там есть спасение.

Это была ложь. Это была правда. Паун огляделся. Солдаты смотрели на него, умирающие и истекающие кровью. Но они смотрели на него, и он сказал им то, что было в его сердце.

— Верьте в это. Верьте, что, что бы ни случилось, вы будете спасены. Есть место, куда уходят мёртвые антиниумы, где у нас не будет приказов, где мы будем в безопасности и не будем

чувствовать ни боли, ни голода.

Он раскинул руки, умоляя. Умоляя их понять.

— Но поверьте: вы не можете убить себя ради Рая. Мы должны построить его, в наших сердцах и здесь тоже. Если все антинуумы погибнут, кто будет верить за нас? Мы должны верить за тех, кто пал. Верить за себя. И жить. Мы должны жить.

Он сложил руки вместе. Все четыре руки сцепились, и Паун заговорил. Он вложил все свои надежды, желания, страхи и сожаления в следующие слова:

— Живите. Пожалуйста, живите.

Он чувствовал, как разрывалось его сердце. Солдаты лежали на земле. Мёртвые. Умирающие. По его вине. Но он молился.

— Пожалуйста. Не умирайте. Живите и помогите мне. Помогите Улью. Помогите друг другу.

Был ли шёпот? Нет. Чувство? Нет. Был только Паун, одинокий, надеющийся и боящийся. Но, когда Солдаты прекратили сражаться, в комнату ворвались Рабочие с бинтами и средствами для свёртывания крови; Паун увидел, что его молитвы были услышаны.

— Положите мёртвых туда! Я хочу, чтобы здесь было как можно больше мешков! Разбудите всех Рабочих в соседних секциях! Шевелитесь! Быстро!

Клбкч выкрикивал приказы, а Солдаты ложились или садились, позволяя Рабочим ухаживать за собой. Паун стоял на коленях на полу и смотрел на каждого Солдата, пока они колебались, борясь за жизнь, а не за смерть. Он не мог закрыть глаза, и это было хорошо. Паун наблюдал за каждым Солдатом не отворачиваясь, и видел, как они отступали от края.

— Кажется, я говорил тебе не молиться.

— Говорил.

Паун уставился на Солдата, чей живот был разорван. Зеленая кровь стекала вокруг Рабочего, который пытался нанести прозрачный гель, чтобы остановить кровоток и удержать органы. Как бы Рабочий ни старался, он не мог закрыть рану. Но Паун молился. Он надеялся и желал, и постепенно гель начал прилипать.

— Некоторые умирают несмотря на то, что ты молишься.

— Да.

Клбкч посмотрел на Пауна. Паун пялился на умирающего Солдата, наблюдая, как он испустил последний вздох, а затем переключил своё внимание на следующего. И на следующего.

— Что такое молитва?

— Я не знаю. Но я надеюсь. Я надеюсь, что они будут жить, даже если умрут. Я буду продолжать надеяться и верить, что следующий Солдат будет жить.

— Независимо от реальности?

— Нет. Я буду верить, зная реальность. Потому что это и есть молитва. Надежда на лучшую реальность.

— Кому ты будешь молиться, если не Богу?

— Я буду молиться себе. Я буду молиться мёртвым. Я буду молиться Раю и верить, что он существует.

— Достаточно ли этого?

— Я не знаю. Но если Бог есть, я буду молиться ему, или ей, или им, если понадобится. Я буду молиться чему угодно или кому угодно.

Солдат, лежащий на земле, почти разрубленный надвое клинком Клбкча, зашевелился. Рабочий перестал тащить его к куче мёртвых и тут же начал тянуть его к живым. Паун позволил Клбкчу сесть рядом с собой. Ему было всё равно, будет ли он говорить или молчать. Ему было всё равно, что один из мечей Клбкча упёрся ему в бок.

Всё его существо было с Солдатами, которых он пытался оттянуть назад своими руками.

Именно поэтому, когда Рабочим понадобилась помощь, чтобы перевернуть Солдата, Паун подбежал к ним. Он молился, держа в руках внутренности Солдата, и капля за каплей подавал воду тому, у кого не было желудка.

Когда последнего Солдата унесли лечиться в другое место, Паун встал в центре зала и уставился на мёртвых. Он чувствовал, как каждый из них тянулся к его сердцу, запечатлевая его душу. Их было так много. Погибло больше сотни, возможно, больше двухсот. Все по его вине.

Но некоторые остались живы, и Паун цеплялся за это. Он не поднял взгляда, когда к нему подошел Клбкч. Он просто склонил голову.

— Если ты убьёшь меня, пощадишь ли ты оставшихся Солдат? Они слушали только меня.

— Убью тебя?

Клбкч остановился рядом с Пауном. Ревелантор с любопытством уставился на Рабочего.

— Зачем мне тебя убивать? С какой целью?

— Я ослушался твоего приказа. И по моей вине погибло бесчисленное множество Солдат.

— И без тебя остальные бы тоже погибли. Если я убью тебя сейчас, они покончат с собой или станут Аберрациями.

Это была правда. Паун кивнул.

— Тогда что?

— У тебя есть класс. [Аколит], я полагаю. Возможно, сегодня ты повысишь уровень. На самом деле, я в этом уверен.

Паун в удивлении поднял взгляд. Клбкч кивнул ему.

— Держи меня в курсе.

И это всё? Паун посмотрел на Клбкча, будучи сбитым с толку.

— Но что насчёт Богов? Разве они не представляют угрозу?

— Представляют. Но ты же не молишься Богу, не так ли? И Рай... я не вижу в этом угрозы.

— Тогда...

— Раненые солдаты — твои. Заботься о них, молись за них, если это поможет им выжить. А потом испытай их. Я думаю, они могут стать Личностями.

Паун уставился на Клбкча. Ревелантор посмотрел на него.

— Если это сделает Улей сильнее, я позволю тебе молиться.

— Понятно.

— Спи, но только доложи мне, если повысишь уровень. На этом всё.

Клбкч кивнул Пауну и начал уходить. Антиниум колебался, а потом повернулся и окликнул его:

— Клбкчхецайм? Ревелантор Клбкч?

— Да?

Паун колебался. Но страх, зародившийся в его груди, был уже ничтожным. Слишком маленьким после всего, что произошло, чтобы его удержать.

— Кем были антинуны? Раньше, я имею в виду. Почему ты боишься Богов?

Клбкч остановился на месте. Он медленно повернул голову и посмотрел на Пауна.

— То, что ты хочешь знать, является секретной информацией.

— Я знаю. Но разве это нанесёт вред, если мне её рассказать,

— Это возможно.

— Тогда не надо. Но я хочу знать. Кем мы были? Кто мы?

Паун ждал, что Клбкч отвернётся и пойдёт дальше. Но Клбкч не отвернулся. Он изучал Пауна взглядом, а затем заговорил:

— Галук. Его звали Галук.

— Что?

Клбкч сделал паузу. Он посмотрел на Пауна, а затем посмотрел сквозь него. Он смотрел на что-то, чего Паун не мог видеть.

— Он был одним из Сентениумов, и вы все носите его форму. Галука Строителя.

— То есть... мы когда-то выглядели по-другому?

Клбкч пожал плечами.

— Я выглядел. Но моя форма была потеряна, когда я погиб в море. Галук был спасён, и поэтому он остался в каждом из вас. Только меньше и слабее.

— Каким он был?

Из мандибул Клбкча вырвалось что-то похожее на смех. Этот звук был очень странным, потому что Паун никогда его раньше не слышал.

— Галук? Он был гигантом. Сильным. Бесстрашным. Он бы рассмеялся, узнав, что все антиниумы выглядят как он.

— А Боги?

Клбкх покачал головой. Он повернулся и снова начал идти.

— Это секрет. Но если ты докажешь, что можешь превратить этих Солдат в нечто большее, чем они есть... я расскажу тебе больше.

Он оставил Пауна одного в помещении, полном мертвецов. Паун стоял в одиночестве и озирался по сторонам. Так много смертей. Земля была покрыта зелёными пятнами. Тела лежали там, где упали, готовые к переработке в кашу.

Но Паун искал не тела. Он подходил к каждому из павших Солдат и глядел на их останки. Ему было интересно, куда делась другая их часть. Он надеялся... что в лучшее место. А если такового не было, Паун найдёт его, сделает его, если придётся. Антиниумы не только разрушают. Они могут и создавать.

Паун медленно вышел в центр зала. Он сел, сложил руки вместе и поверил.

Примечания:

[1] – В оригинале Эрин использовала для описания бога слово «it», что в переводе потеряло смысл.

<http://tl.rulate.ru/book/2954/2902771>